

Театр — на всю жизнь

Она была жестокой и властной леди Анной, самоуверенной красавицей Клементиной, храбрым и остроумным Дон Жуаном, неотразимой Беатрисой, отвергнутой и отчаявшейся Лизой...

Вы, конечно, поняли — речь идет об актрисе. Харьковчане — любители театрального искусства хорошо ее знают — Людмила Платонова.

С Людмилой Павловной, которой недавно было присвоено звание заслуженной артистки Украинской ССР, мы встретились, когда дневные репетиции в театре имени Шевченко уже закончились, а до вечернего спектакля еще оставалось несколько часов. В непривычно тихой, свободной от костюмов и париков гримерной я открыл блокнот, приготовил ручку и задал первый вопрос:

— Оглядываясь на сделанное Вами в театре, какую из своих ролей Вы вспоминаете

первой, какая из них Вам наиболее дорога?

— Каждая роль частица тебя самой. В ней живут твои чувства, твоя память, твои нервы... Хотя одна достается чуть легче, другая — труднее. К наиболее памятным я отношу Настасью Филипповну из «Идиота» Достоевского, которую играла в Николаевском театре имени Кольцова. Характер сложный, трагический. В нелепом и страшном мире, окружающем эту женщину, ее недюжинность выглядит чуть ли не пороком. Судьба и жизнь моей героини — это вызов обществу, в котором нельзя быть честным человеком, добрым человеком, искренним человеком.

Надо ли говорить, что Достоевский — литература огромного эмоционального напряжения. Его персонажи забирают актера целиком, без остатка. И потом выбраться из них, снять их вместе с гримом, костюмом очень трудно. Но несмотря на все

это, каждый спектакль был для меня праздником.

— Вот Вы произнесли слова «праздник». Праздник театра зрителю хорошо знаком — он на сцене, в ярких лучах прожекторов. Театральные же будни — за кулисами. Но праздника без будней не бывает. Поэтому давайте поговорим о них.

— В театре я работаю не один год, но и сегодня, как и прежде, работа над ролью начинается с почти панического ужаса — роль не моя, ничего не умею, надо отказаться, все делаю не так.

Наоборот, когда спектакль готов, ловишь себя на мысли, что теперь все кажется простым, понятным, очевидным. Это ситуация из школьного учебника. Чтобы попасть из пункта А в пункт Б, надо решить задачу. И какой бы трудной она ни казалась вначале, найденный правильный ответ моментально делает ее простой. Все решенное — просто.

Роль надо, как мы гово-

рим, наработать — обеспечить запасом мыслей, чувств, наблюдений. Но, бывает, все это есть, а роль не идет — чтобы сдвинуть ее с места, часто не хватает какой-то малости, на первый взгляд, пустяка.

Помню, был со мной такой случай. На съемках фильма «Дочь Стратигона», где я играла героиню, в одном из эпизодов надо было заплакать: по сюжету я вхожу в землянку и узнаю, что человек, которого люблю, погиб.

Эпизод долго репетировался, я, кажется, все поняла — а заплакать не могу, и все тут. Бились, бились — ничего не выходит. Гример уже приготовил глицериновые слезы. И тут режиссер отозвал меня в сторону и тихонько говорит: «Когда будешь заходить в землянку, опусти плечи». И, представьте, сцена пошла.

— Какой из спектаклей приносит Вам больше всего радости, творческого удовлетворения?

— Пожалуй, «Моя про-

фессия — синьор из высшего общества». Это комедия положений. В центре ее так называемые маленькие люди, которые отчаянно борются за свое существование.

Я играю Валерию, жену главного героя Папагатто

(роль его исполняет Владимир Николаевич Малаев). В финале у нас есть очень трудное место и получается оно, к сожалению, не всегда. Папагатто совершенно неожиданно для Валерии говорит: «А все-таки я люблю тебя».

Бывают спектакли, когда после этих слов какая-то горячая волна подступает к сердцу. Для моей героини это, возможно, высшая минута всей жизни. Притом, минута вдвойне драматическая — Валерия одновременно и очень счастлива и очень несчастна. Счастлива потому, что услышала эти слова от давно любимого человека, несчастна — потому, что прозвучали они в общем-то поздно. Выросли дети, лучшая часть жизни уже прожита... И вы знаете, искра, которую на самых лучших спектаклях в этом месте удается высечь, как-то моментально заряжает зал — зритель затихает, они слушают нас и, кажется, понимают. После такого спектакля приходишь в гримерную, бывает, за окном дождь, ветер, а на душе тихо, уютно, высоко.

— Людмила Павловна, Вы активно заняты в театре, играли и играете роли, о которых мечтают очень многие актри-

сы (ну, взять, например, хотя бы наших современниц — Машу из «Жестоких игр» Арбузова, Марину — из спектакля «Такое долгое, долгое лето...»). Наверное, можно говорить, что у вас есть своя тема в искусстве — какими бы разными ни были Ваши героини, у всех у них (почти у всех) — непростая судьба, сильный характер, они отличаются неординарностью поступков и мыслей.

Со стороны Ваша актерская карьера кажется вполне удавшейся. А как Вы сами считаете?

— Мне действительно посчастливилось сыграть немало интересных ролей в хороших пьесах. Когда актеру так везет — он вроде бы не должен сетовать на судьбу.

Иногда, конечно (как, наверное, и у всех), бывают горькие минуты, когда хочется бросить все и в сердцах говорить себе: лучше бы у меня была другая профессия. «Но какая?» — однажды спросила саму себя. И ответа не нашлось. Я люблю свою профессию. Профессию, которая так нужна людям.

Беседу вел
А. ДОРОШЕВ.

Фото В. КОЧЕТОВА.

14 мая 1983 г.

КРА... МАМА
г. ХАРЬКОВ.